

ЕВРАЗІЙЦЫ.

(«Евразійскій Временникъ». Книга Четвертая. Берлинъ 1925 г.)

Евразійцы выступили шумно и самоуверенно, съ большими претензіями на оригинальность и на открытіе новыхъ материковъ. Недостатки обычные для молодыхъ и боевыхъ направленій, — они не могутъ произростать въ скромности. Идеи евразійцевъ нужно оцѣнивать не только по существу, сколько по симптоматическому ихъ значенію. Сами по себѣ идеи эти мало оригинальны*), онѣ являются воспроизведеніемъ мыслей старыхъ славянофиловъ, Н. Данилевскаго (Н. Данилевскаго въ особенности), нѣкоторыхъ мыслителей начала XX вѣка, (такъ типичнымъ евразійцемъ по настроенію былъ В. Ф. Эрнъ). Но у евразійцевъ современныхъ есть новая настроенность, есть молодой задоръ, есть не подавленность революціей, а пореволюціонная бодрость, и имъ нельзя отказать въ талантливости. Они улавливаютъ какое-то широко распространенное настроеніе русской молодежи, пережившей войну и революцію, идеологически облагораживаютъ «правые» инстинкты. Ихъ идеологія соответствуетъ душевному укладу новаго поколѣнія, въ которомъ стихійное національное и религиозное чувство не связано съ сложной культурой, съ проблематикой духа. Евразійство есть прежде всего направленіе эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакціей творческихъ национальныхъ и религиозныхъ инстинктовъ на происшедшую катастрофу. Такого рода душевная формація можетъ обернуться русскимъ фашизмомъ.

Хотѣлось бы прежде всего отмѣтить положительныя стороны евразійства. Евразійцы — не вульгарные реставраторы, которые думаютъ, что ничего особеннаго не произошло и все скоро вернется на свое прежнее мѣсто. Евразійцы чувствуютъ, что происходитъ серьезный міровой кризисъ, что начинается новая историческая эпоха. Характеръ этого кризиса они не совсѣмъ вѣрно себѣ

представляютъ, полагая, что существо его заключается въ разложеніи и концѣ романо-германской, европейской цивилизаціи (старый, традиціонный мотивъ славянофильствующей мысли). Но заслуга ихъ въ томъ, что они остро чувствуютъ размѣры происшедшаго переворота и невозможность возврата къ тому, что было до войны и революціи. Евразійцы рѣшительно провозглашаютъ приматъ культуры надъ политикой. Они понимаютъ, что русскій вопросъ сейчасъ есть прежде всего вопросъ духовно-культурный, а не политическій вопросъ. Утверждать это сознаніе въ русской эмигрантской средѣ есть очень важная и насущная задача. Отношеніе евразійцевъ къ Западной Европѣ превратно и ложно и подобное отношеніе заслуживаетъ наименованія азіатства, а не евразійства. Но они вѣрно чувствуютъ, что Европа перестаетъ быть монополистомъ культуры, что культура не будетъ уже исключительно европейской, что народы Азіи вновь войдутъ въ потокъ міровой исторіи. Эта мысль между прочимъ съ особенной настойчивостью высказывалась пишущимъ эти строки. Мысль эта очень важна, какъ противовѣсъ тѣмъ реакціоннымъ теченіямъ, которыя думаютъ найти выходъ изъ русской катастрофы въ помощи «буржуазной» Европы. Евразійцы стихійно, эмоционально защищаютъ достоинство Россіи и русскаго народа противъ того поруганія, которому онъ предается нынѣ и русскими людьми и людьми Запада. Верхній слой русскаго общества, пораженный революціей, согласенъ денационализироваться и перестать считать себя русскимъ. Такой реакціонно-интернационалистической настроенностью слой этотъ доказываетъ свою давнюю оторванность отъ русской почвы и отъ духовныхъ основъ жизни русскаго народа. Наибольшаго сочувствія заслуживаютъ политическіе взгляды и настроенія евразійцевъ. Это — единственное пореволюціонное идейное направленіе, возникшее въ эмигрантской средѣ, и направленіе очень активное. Всѣ остальные направленія, «правыя» и «лѣвыя», носятъ дореволюціонный характеръ и потому безнадежно

*) Оригинальна только туранско-татарская концепція русской исторіи у кн. Н. С. Трубецкаго.

лишенны творческой жизни и значенія въ будущемъ. Евразійцы стоятъ внѣ обычныхъ «правыхъ» и лѣвыхъ». Въ только что вышедшей четвертой книгѣ «Евразійскаго Временника» наносятся рѣшительные удары «правымъ» и изобличается ложь ихъ религиозно-православныхъ и національно-русскихъ претензій. Кн. Н. С. Трубецкой говоритъ, что для «правыхъ» православіе и народность всегда были лишь атрибутами самодержавія, которое одно только ихъ и интересуетъ. Жестоки, но справедливы слова Кн. Н. Трубецкого, что интересъ «правыхъ» къ православію выражается главнымъ образомъ въ посѣщеніи молебновъ въ дни тезоименитствъ высочайшихъ особъ. Евразійцы не легитимисты. Это ясно уже было по предшествующему сборнику. Они не связываютъ православіе и русской національный духъ съ опредѣленной государственной формой, напр. съ самодержавной монархіей, и согласны и на республику, если она будетъ православною и національною и президентъ будетъ «посадникомъ». Евразійцы не демократическаго, но народнаго направленія и учитываютъ значеніе народныхъ массъ въ будущемъ строѣ Россіи. Они видятъ въ отличіе отъ «правыхъ», что новый народный слой выдвинулся въ первые ряды жизни и что его нельзя будетъ вытѣснить. Евразійцы признаютъ, что революція произошла и что съ ней нужно считаться. Пора перестать себѣ закрывать глаза на совершившееся. Ничто дореволюціонное невозможно уже, возможно лишь пореволюціонное. Евразійство по своему пытается быть пореволюціоннымъ направленіемъ и въ этомъ его несомнѣнная заслуга и преимущество передъ другими направленіями. Они реалистичнѣе другихъ политическихъ направленій и могутъ сыграть политическую роль. Да и нужно признать, что значеніе въ политической жизни Россіи будетъ имѣть главнымъ образомъ молодежь.

Но въ евразійствѣ есть также элементы зловредные и ядовитые, которымъ необходимо противодѣйствовать. Многіе старые русскіе грѣхи перешли въ евразійство въ утрированной формѣ. Евразійцы чувствуютъ міровой кризисъ. Но они не понимаютъ, что окончаніе новой исторіи, при которомъ мы присутствуемъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе новой универсалистической эпохи, подобной эпохѣ эллинистической. Национализмъ есть порожденіе новой исторіи. Нынѣ кончаются

времена замкнутыхъ національныхъ существованій. Всѣ національные организмы ввергнуты въ міровой круговоротъ и въ міровую ширь. Происходитъ взаимопроникновеніе культурныхъ типовъ Востока и Запада. Прекращается автаркія Запада, какъ прекращается и автаркія Востока. Эллинистическая эпоха дѣйствительно была эпохой «евразійской» культуры, но въ томъ смыслѣ, что въ ней соединились Востокъ и Западъ, Азія и Европа. Такого рода «евразійство» есть универсализмъ, подготовившій почву для христіанства. Но современное евразійство враждебно всякому универсализму, оно представляетъ себѣ евразійскій культурно-историческій типъ статически — замкнутымъ. Евразійцы хотятъ остаться націоналистами, замыкающимися отъ Европы и враждебными Европѣ. Этимъ они отрицаютъ вселенское значеніе православія и міровое призваніе Россіи, какъ великаго міра Востока-Запада, соединяющаго въ себѣ два потока всемірной исторіи. Ихъ евразійская культура будетъ одной изъ замкнутыхъ восточныхъ, азіатскихъ культуръ. Они хотятъ, чтобы міръ остался разорваннымъ, Азія и Европа разобщенными, т. е. они въ сущности антиевразійцы. Евразійство остается лишь географическимъ терминомъ и не пріобрѣтаетъ культурно-историческаго смысла, противоположнаго всякому замыканію, самодовольству и самоудовлетворенности. Задача, которая теперь стоитъ передъ Россіей, ничего общаго не имѣетъ съ той задачей, которая стояла передъ допетровскою, старою Россіей. Это есть задача не замыканія, а выхода въ міровую ширь. И размыканіе, выходъ въ міровую ширь вовсе не означаетъ европеизаціи Россіи, подчиненія ея западнымъ началамъ, а означаетъ міровое духовное вліяніе Россіи, раскрытіе Западу своихъ духовныхъ богатствъ. Такъ долженъ образоваться въ мірѣ единый духовный космосъ, въ который русскій народъ долженъ сдѣлать свой большой вкладъ. Русская идея, которая вырабатывалась русской мыслью XIX вѣка, всегда была такой идеей. И евразійцы невѣрны русской идеѣ, они порываютъ съ лучшими традиціями нашей религиозно-національной мысли. Они дѣлаютъ шагъ назадъ по сравненію съ Хомяковымъ и Достоевскимъ и въ этомъ они духовные реакціонеры. Они партикуляристы, противники русской всечеловѣчности и всемірности, противники ду-

ха Достоевскаго. Данилевскій имъ ближе, чѣмъ Достоевскій. Хомяковъ и Достоевскій находили удивительныя слова для выраженія русскаго отношенія къ Западной Европѣ, этой «странѣ святыхъ чудесъ», для почитанія ея великихъ покойниковъ и великихъ памятниковъ. К. Леонтьевъ любилъ великую культуру Запада, ея великое католическое, аристократическое, артистическое прошлое. К. Леонтьевъ рѣшительный антиславянофилъ и антинаціоналистъ по своей идеологии, во многомъ родственной Чаадаеву и близкій Вл. Соловьеву, и нынѣшніе евразійцы мало могутъ воспользоваться имъ для установленія своей традиціи. Отношеніе евразійцевъ къ Западу и западному христіанству въ корнѣ ложное и нехристіанское. Культивированіе нелюбви и отвращенія къ другимъ народамъ есть грѣхъ, въ которомъ слѣдуетъ каяться. Народы, расы, культурные міры не могутъ быть исключительными носителями зла и лжи. Это совсѣмъ не христіанская точка зрѣнія. Христіанство не допускаетъ такого рода географическаго и этнографическаго распределенія добра и зла, свѣта и тьмы. Передъ лицомъ Божьимъ добро и зло, истина и ложь не распределены по Востоку и Западу, Азии и Европѣ. Христіанство, а не люди XIX вѣка, принесло въ міръ сознаніе, что нѣтъ эллина и іудея. Ненависть къ западному христіанству, къ католичеству есть грѣхъ и человѣкоубійство, есть отрицаніе души западныхъ народовъ, отверженіе источниковъ ихъ жизни и спасенія. Ненависть къ католичеству есть, повидимому, одинъ изъ существенныхъ пунктовъ евразійской программы.*) Характерно, что обыкновенно особенно враждебны католичеству именно тѣ, которые вносятъ въ православіе католическія клерикальныя и авторитарныя черты. Въ отношеніи евразійцевъ къ католичеству есть что-то глубоко провинціальное и устарѣвшее, унаслѣдованное отъ давно прошедшихъ временъ, не соответствующее современному духовному состоянію міра. Міромъ овладѣваетъ антихристъ, русское царство перестало быть христіанскимъ, стало очагомъ антихристова духа, а евра-

*) Я совсѣмъ здѣсь не касаюсь статьи Л. П. Карсавина «Уроки отреченной вѣры», такъ какъ она заслуживаетъ спеціальнаго разсмотрѣнія. Въ статьѣ этой есть очень интересныя мысли, но къ сожалѣнію она испорчена непріятнымъ тономъ.

зійцамъ все еще мерещатся польскіе ксензы и іезуиты, дѣйствительно совершающіе иногда и до нынѣ дѣйствія предосудительныя, но обладающія очень малымъ вѣсомъ въ міровой катастрофѣ.

Евразійцы возстанавливаютъ исторіософическую теорію Данилевскаго и усваиваютъ себѣ его натурализмъ и номинализмъ. Исторіософическіе взгляды Данилевскаго и евразійцевъ есть наивная и философски неоправданная форма номинализма, номиналистическаго отрицанія реальности человѣчества). Евразійцы реалисты въ пониманіи національности и номиналисты въ пониманіи человѣчества. Но номиналистическое разложеніе реальныхъ единствъ нельзя произвольно остановить тамъ, гдѣ хочешь. Номинализмъ не можетъ признать и реальности національности, какъ не можетъ признать и реальности человѣческой индивидуальности, — разложеніе реальныхъ единствъ идетъ до безконечности. Если человѣчество или космосъ не есть реальность, то столь же не реальны и всѣ остальные ступени. Евразійцы какъ будто бы хотятъ вернуться къ языческому партикуляризму, духовно преодолѣнному христіанствомъ. Если не существуетъ человѣчества, какъ духовнаго единства и реальности, то христіанство невозможно и лишено всякаго смысла боговоплощенія и искупленія. Отрицаніе реальности и единства человѣчества, какъ іерархической ступени бытія, есть въ сущности отрицаніе догмата богочеловѣчества Христа. Крайнія формы церковнаго націонализма и партикуляризма есть языческая реакція внутри христіанства, есть неспособность вмѣстить истину о богочеловѣчествѣ Христа. Раздѣляетъ плоть и кровь, духъ же соединяетъ. И одинаково ложно отрицать реальность и единство человѣчества, какъ и реальность и единство національности. Міръ есть іерархическій организмъ, конкретное всеединство. Поэтому интернаціонализмъ есть такая же ересь, такая же абстракція, какъ и націонализмъ. Евразійцы слишкомъ легко относятся къ вопросу о взаимоотношеніи христіанства и языческаго партикуляризма, они укрываются отъ этого тревожнаго вопроса въ эмоціональность «бытового исповѣдничества». Евразійцы правы, когда они говорятъ, что западно-европейская культура не есть универсальная и единственная культура, что она есть лишь культура романо-германская, носящая черты ограниченности. И

внутри европейской культуры существует вѣдь огромное различіе между типомъ культуры романской и германской. Для французовъ культура германская есть почти такой же Востокъ, не Европа, какъ и культура русская или индусская. Культура всегда національна, никогда не интернациональна, и вмѣстѣ съ тѣмъ она сверхнациональна по своимъ достижениямъ и универсальна по своимъ основамъ. Универсальныя основы человѣческой культуры не романо-германскія, а античныя. Русская культура также имѣетъ свои основы въ культурѣ греческой, какъ и культура европейскихъ народовъ. Мы принадлежимъ не только Востоку, но и Западу черезъ наслѣдіе эллинизма. Мы платоники. Западные люди по преимуществу аристотелевцы. На насъ почилъ эллинскій духъ, универсальный эллинскій геній. Мы стали бы окончательно азиатами, восточными людьми, если бы отреклись отъ греческой патристики, отъ св. Климента Александрійскаго, отъ каподокійцевъ, если бы туранское начало въ насъ окончательно возобладало. И мнѣ кажется, что евразійцы предпочитаютъ плотское наслѣдіе туранское духовному наслѣдію эллинскому, они болѣе гордятся своей связью съ Чингисъ Ханомъ, чѣмъ своей связью съ Платономъ и греческими учителями Церкви. Евразійская философія исторіи есть чистый натурализмъ. Национально-расовая и географическая исторіософія столь же матеріалистична, какъ и экономическій матеріализмъ. Она отрицаетъ, что философія исторіи есть философія духа, духовной жизни человѣчества. Она забываетъ, что кромѣ Востока и Запада, кромѣ столкновенія расъ и кровей есть еще царство духа и что потому только возможно стало въ мірѣ христіанство. Славянофилы были менѣе натуралистичны. Они прошли школу германскаго идеализма и преодолевали его изнутри. Въ мышленіи евразійцевъ совсѣмъ нѣтъ категоріи духовной свободы, которая была основной въ мышленіи Хомякова. Остается впечатлѣніе, что для евразійцевъ православіе есть прежде всего этнографическій фактъ, фольклоръ, центральный фактъ національной культуры. Они берутъ православіе извнѣ, исторически, а не изнутри, не какъ фактъ духовной жизни, вселенскій по своему значенію. Поэтому они прежде всего дорожатъ бытовымъ православіемъ, его статическими пластическими образами. Говорю, конечно, не о

личномъ религіозномъ опытѣ отдѣльныхъ евразійцевъ, а объ ихъ мышленіи.

Евразійцы любятъ туранскій элементъ въ русской культурѣ. Иногда кажется, что близко имъ не русское, а азіатское, восточное, татарское, монгольское въ русскомъ. Чингисъ Хана они явно предпочитаютъ Св. Владиміру. Для нихъ Московское царство есть крещеное татарское царство, московскій царь — оправославленный татарскій ханъ. И въ этомъ близкомъ сердцу евразійцевъ царствѣ чувствуется то непреодолимое язычество азіатскихъ племенъ, то непреодолимое магометанство. Христіанство не вполне побѣдило въ евразійскомъ царствѣ. Любовь къ исламу, склонность къ магометанству слишкомъ велики у евразійцевъ. Магометане ближе евразійскому сердцу, чѣмъ христіане Запада. Евразійцы готовы создать единый фронтъ со всѣми восточно-азиатскими, не христіанскими вѣроисповѣданіями! противъ христіанскихъ вѣроисповѣданій Запада.*) И это есть несомнѣнное извращеніе религіозной психологіи, частичная измѣна христіанству. Евразійцамъ вновь умѣстно поставить вопросъ Вл. Соловьева: «Какимъ же хочешь быть Востокомъ: Востокомъ Ксеркса или Христа?» «Востокъ Ксеркса» очень ихъ плѣняетъ, они не могутъ его побѣдить въ себѣ и не хотятъ его побѣдить въ русскомъ народѣ. Между тѣмъ какъ и нашъ большевизмъ есть порожденіе «Востока Ксеркса». Все будущее русскаго народа зависитъ отъ того, удастся ли побѣдить въ немъ нехристіанскій Востокъ, стихію татарскую, стереть съ лица русскаго народа монгольскія черты Ленина, которыя были и въ старой Россіи. Можно вполне согласиться съ тѣмъ, что татарское иго имѣло огромное, не только отрицательное, но и положительное значеніе въ русской исторіи, что оно способствовало выработкѣ въ русскомъ народѣ самостоятельнаго духовнаго типа, отличнаго отъ западнаго. Но это отнюдь не ведетъ еще къ татарскому самосознанію, къ подмѣнѣ русской идеи идеей туранской. Между тѣмъ какъ у евразійцевъ исчезаетъ своеобразие и единственность р у с

*) Я имѣю тутъ ввиду не критику евразійцами имперіалистической политики европейскихъ государствъ въ отношеніи народовъ Азіи и Африки. Въ этомъ отношеніи евразійцы правы. Я имѣю ввиду вопросъ чисто религіозный.

скаго духовнаго типа, русской идеи, русской вселенской христіанской идеи. Статичность, которой такъ упиваются евразійцы въ результатѣ реакціи противъ бурныхъ движеній нашего времени, есть не русская, а татарско-азиатская статичность. Христіанство динамично по своей природѣ, оно создало бурное движеніе міровой исторіи. Ничто конечное не можетъ быть навѣки найденнымъ онтологическимъ выраженіемъ безконечнаго. Въ Россіи евразійцевъ нельзя узнать Россіи Достоевскаго. Слѣдуетъ помнить, что Достоевскій явился въ Петровскій періодъ русской исторіи. Не чувствуется близости евразійцевъ и къ духовности Св. Серафима, тоже вѣдь явившагося въ Петровскій періодъ. Евразійцамъ оказывается чуждымъ тревожный, ищущій, динамическій, трагическій духъ русской религіозной мысли XIX вѣка. Ничего туранскаго въ этой русской религіозной мысли не было. Бытовое и родовое православіе евразійцевъ, православіе статическое, родственно духу Ислама, и они сами этого не скрываютъ. Евразійцы дорожатъ русскимъ язычествомъ, которое очень сильно было въ старомъ русскомъ бытѣ. Думать, что этотъ бытъ можетъ быть возрожденъ, значитъ не понимать характера нашей эпохи. Мы вступаемъ въ эпоху новой христіанской духовности. И религіозно реакціонно все, что хочетъ пресобладанія крови и плоти надъ духомъ, что мѣшаетъ побѣдѣ духа надъ натурализмомъ. Возвратъ русскаго народа къ самодовольству и самозамкнутости старой допетровской Руси есть задача не христіанская, а языческая. Евразійцы не любятъ Вл. Соловьева и всего, что съ Вл. Соловьевымъ связано. Но не патріотично и не національно отрицать своего величайшаго мыслителя. И какъ бы мы ни относились критически ко многимъ идеямъ Вл. Соловьева (я напр. совершенно отрицаю его теократическую концепцію), мы должны признать его огромную и неумирающую заслугу. Онъ неустанно напоминалъ, что христіанство есть не только данность, но и задача, обращенное къ активности и свободѣ человѣка. Намъ задано осуществленіе Христовой правды въ жизни и заповѣдано исканіе превыше всего Царства Божьяго. Бытовое исповѣдничество евразійцевъ какъ будто бы забываетъ объ этомъ исканіи Царства Божьяго и правды Божьей, которое очень свойственно рус-

скому духу, но не свойственно духу туранскому. Православіе не можетъ быть только охраненіемъ, оно должно быть творческимъ бого-человѣческимъ процессомъ. Евразійцы не замѣчаютъ самой главной особенности русскаго православія, отличающей его отъ западнаго христіанства, — его эсхатологичности, устремленности къ концу. Есть два образа Россіи: статическій и динамическій, бытовой и духовный. Русскаго странничества, русскаго исканія правды Божіей, Града Китежа евразійцы не хотятъ видѣть и знать. Имъ больше нравится бытовая устроенность и статичность Ислама. И это есть испугъ и реакція противъ революціи. Евразійцы не понимаютъ, какъ понималъ Достоевскій, что русская интеллигенція была національно-русскимъ явленіемъ, отражавшимъ и русскіе грѣхи и болѣзни и русское исканіе правды. Современная молодежь не любитъ образа русскаго скитальца. Она предпочитаетъ Николая Ростова Князю Андрею и Пьеру Безухову. Но нужно помнить, что стиль православія мѣняется, — интеллигенція возвращается въ церковь и возвратившійся блудный сынъ будетъ въ ней играть преобладающую роль. Православіе не прикрѣплено къ стилю мужицкому, мѣщанско-купеческому или дворянскому. Впрочемъ нужно сказать, что евразійцы мѣняются и у нихъ начинаютъ усиливаться чувство исторической динамики.

П. П. Сувчинскій подымаетъ очень интересный вопросъ о смѣнѣ поколѣній и пытается дать оцѣнку поколѣнію начала XIX вѣка и связанному съ нимъ теченію, которое онъ называетъ идеалистическимъ, мистическимъ и эстетическимъ ренессансомъ. Поколѣніе евразійское, выросшее во время войны и революціи, не чувствуетъ себя родственнымъ нашему религіозному поколѣнію и не хочетъ продолжать его завѣтовъ. Оно склонно отказаться отъ всего, что связано съ постановкой проблемъ новаго религіознаго сознанія. Воля его направлена къ упрощенію, къ элементаризаціи, къ бытовымъ формамъ православія, къ традиціонализму, боязливому и подозрительному ко всякому религіозному творчеству.*) Духовный укладъ новаго религіознаго поколѣнія очень неблагоприятенъ для оцѣнки по суще-

*) Въ социальномъ-политическомъ отношеніи евразійцы напротивъ очень смѣлы и даже революціонны.

ству сложной проблематики предшествующего религиозного поколѣнія. Въ силу пережитого опыта современная молодежь боится сложности и проблематичности, тяготеетъ къ элементарности и простотѣ, направляетъ свою волю на осуществленіе практическихъ задачъ. Въ извѣстной ея части есть реакція противъ мистики и романтики, противъ усложненнаго гнозиса, противъ эсхатологическихъ настроеній. Поколѣніе начала XX вѣка вынесло на своихъ плечахъ трудную работу преодоленія стараго интеллигентскаго міросозерцанія, прошло длинный духовный путь, вернулось въ отчій домъ, какъ блудный сынъ, и внесло въ свое христіанство всю сложность своей духовной культуры, поставило съ большой остротой проблему которая имѣютъ значеніе для далекаго будущаго и для вѣчности. Наше религиозно-философское теченіе обращено къ поколѣніямъ болѣе далекаго будущаго и, если проблемы имъ выдвинутыя не интересуютъ поколѣніе современное, то этимъ нисколько не опредѣляется еще оцѣнка этихъ проблемъ по существу. Мы защищали аристократизмъ духовной культуры, аристократизмъ мысли, защищали то, что представлялось бесполезнымъ и ненужнымъ. Но современное поколѣніе «справа» также отрицаетъ духовный аристократизмъ, также не принимаетъ іерархизма, въ силу котораго и непонятное и ненужное имѣетъ значеніе для всей лѣстницы жизни, какъ раньше онъ отрицался русской интеллигенціей «слѣва». Отрицаніе духовнаго аристократизма, отрицаніе сложности мысли, безкорыстнаго созерцанія и творческой проблематики есть большевизмъ, и большевизмъ этотъ есть повсюду, онъ есть у «правыхъ», есть и у нѣкоторыхъ евразійцевъ. Этимъ я нисколько не отрицаю, что отдѣльные представители евразійства являются высоко культурными и духовно тонкими людьми.

Неуваженіе къ человѣческой мысли, къ человѣческому творчеству, неблагодарность къ духовной работѣ предшествующихъ поколѣній, нежеланіе почитать даже великихъ своихъ людей есть русскій грѣхъ, есть неблагородная черта въ русскомъ характерѣ. Нигилизмъ остается въ русской крови, онъ такъ же проявляется «справа», какъ и «слѣва», такъ же возможенъ на религиозной почвѣ, какъ и на почвѣ материалистической. Русскіе ультра-православные люди такъ же легко готовы низвергнуть Пушкина, какъ низвергали его русскіе нигилисты. Русскіе люди съ легкостью откажутся отъ Достоевскаго и разгромятъ Вл. Соловьева, предавъ поруганію его память. Сейчас иные готовы отречься отъ всей русской религиозной мысли XIX в., отъ самой русской мессіанской идеи во имя иступленнаго и нигилистическаго утвержденія русскаго православія и русскаго націонализма. Но быть можетъ всего нужнѣе для насъ утверждать традицію и преемственность нашей духовной культуры, противодѣйствуя нигилистическимъ и погромнымъ инстинктамъ, преодолевая нашу татарщину, нашъ большевизмъ. Русскимъ людямъ нужно прививать благородное почитаніе творческихъ усилій духа, уваженіе къ мысли, любовь къ человѣческому качеству.

Я старался указать на отрицательныя и опасныя стороны евразійскихъ настроеній, но я нисколько не отрицаю положительныхъ сторонъ и заслугъ этого теченія и несомнѣнныхъ качествъ нѣкоторыхъ статей послѣдняго евразійскаго сборника. вмѣстѣ съ тѣмъ я признаю, что въ новомъ, пореволюціонномъ поколѣніи вырабатывается новый типъ религиозно-національной интеллигенции, болѣе здоровой и реалистической, болѣе закаленной духовно и преодолевшей рефлектирующую раздвоенность. Въ этой выработкѣ принимаютъ участіе и евразійцы.

Ник. Бердяевъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВѢ ДЛЯ ВЫБОРОВЪ ЧЛЕНОВЪ СОБОРА 1923 Г.

Я, мірянинъ, выборщикъ отъ перваго Пречистенскаго Сорока (благочинія 26 церковей Арбатскаго и Пречистенскаго района) на Московскій Епархіальный съѣздъ 23 апрѣля с. г. для избранія членовъ

Всероссійскаго помѣстнаго собора 1923 г., свидѣтельствую здѣсь правду о томъ, какъ происходилъ этотъ съѣздъ, правду, поправную въ газетныхъ сообщеніяхъ въ Москвѣ.